ПРАВОСЛАВИЕ И КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ: своеобразие в единстве

В.А. Теплова

Православие пришло на белорусскую землю вместе с крещением всей Руси в конце X в. «В лето 990... — говорится в Густынской летописи, — Владымер раздели Русскую землю на 12 княжений, сынам своим дванадесятим; во-первых, посади на великом княжении Новгородском старейшаго сына своего Вышеслава, в Полоцке — Изяслава... Посла же с ними и священники, заповедая сыном своим, да каждо по всей области своей повелевает учити и крестити людей, и церкви ставити; еже и бысть»[1].

Однако традиция древнерусских преданий связывает начало распространения слова Божия на белорусских землях еще с апостолом Андреем. Не исключено, что задолго до официального принятия новой религии уже во второй половине IX — середине X в. христианство было известно на территории древней Беларуси. Участвуя вместе с дружинами русских князей в походах на Константинополь, белорусские воины не только знакомились с результатами византийской цивилизации, но и усваивали вместе с ними основы Православия. Источником знакомства населения древней Беларуси с христианством могла быть и Скандинавия, связи с которой были достаточно оживленные. Вполне вероятно, что полоцкий князь Рогволод и его семья благоприятствовали христианской вере, а в столице княжества имелись христианские храмы.

Прямых свидетельств первых шагов христианизации Беларуси нет. Не сохранилась «Полоцкая летопись» — важнейший источник по истории Полоцкой земли, в котором могли быть сведения о ее крещении. Такие события, как свержение языческих богов, крещение огнем и мечом, которые на первом этапе сопровождали принятие христианства в Киеве и Новгороде, на белорусских землях неизвестны. Возможно, это объясняется тем, что характер полоцкого князя Изяслава, с именем которого связано начало распространения христианства, отличался необычайной для того сурового времени мягкостью и терпимостью. «Бысть же сей князь тих и кроток, и смирен, и милостив, и любя зело и почитая священнический чин иноческий, и прилежаще прочитанию божественных писаний, и отвращался от суетных глумлений, и слезен, и умилен, и долготерпив»[2], — рассказывает Никоновская летопись о родоначальнике полоцких Изяславичей. По-видимому, в таком же духе действовало и прибывшее с ним духовенство.

Уже в 992 г. возникла Полоцкая епархия, третья по счету после Киевской и Новгородской. Кроме нее, на белорусских землях существовали Туровская, основанная в 1005 г., и Смоленская (1137) епархии, границы которых совпадали с границами этих княжеств. Можно утверждать, что к концу XI в. Древняя Беларусь была Православной, даже учитывая более медленные темпы утверждения христианства в среде сельского населения[3].

Чем объяснить такое быстрое и мирное распространение христианства на белорусских землях? Скорее всего тем, что среди ее правящих и просвещенных кругов, как и среди широких народных масс, было немало людей, чьи умы и сердца оказались покоренными духовными и моральными доктринами Православия. Возможно, что многих из них вдохновлял пример первых апостолов христианства, последовавших указанию их Господа и отправившихся проповедовать Евангелие всем народам.

Говоря о причинах принятия христианства по православному обряду, нельзя забывать, что Византийская империя в IX–XI вв. находилась в зените духовной жизни не только Востока, но и Запада. Константинополь имел тогда несомненное первенс-

---

[1] Густынская летопись / отв. ред. В.А. Кучкин; ред. Л.Л. Муравьева, А.М. Панченко; текст подгот. Ю.В. Анхимюком, С.В. Завадской, О.В. Новохатко, А.И. Плигузовым; указ. сост. Т.В. Елисеевой; изд. подгот. при участии О.В. Сидорович, А.Н. Казакевича, Д.М. Буланина. СПб., 2003.

[2] ПСРЛ. Т. 9–10: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862 (фототипич. воспроизв.) М., 1965). С. 68.

[3] См.: *Заяц Ю.А.* Распространение христианства в городах Полоцкой земли (по материалам археологии) // Тэзісы навуковай канф., прысв. 1000-ю Полоцкай епархіі і Праваслаўнай царквы на Беларусі / отв. за выпуск А.А. Петрашкевич. Минск, 1992. С. 22.

тво в культуре. Ни один другой город не мог с ним соперничать. Его блеск оказывал могучее влияние на народы, живущие не только у границ империи, но и далеко за ее пределами, в том числе и славян, которые считали Царьград центром мира. Рассказ летописца Нестора о том впечатлении, которое произвело на послов киевского князя Владимира великолепие православной литургии в константинопольском храме св. Софии, объективно передает эти ощущения современников.

Передача христианства русскому народу явилась сильным унифицирующим фактором. До этого Русь не была единой политически и духовно, чему препятствовали полиархия князей и языческий политеизм. Поэтому русские летописцы считали крещение князя Владимира не только точкой отсчета истории Руси, но и началом ее славы и величия.

Русь обрела в христианстве элементы общности: общие догматы, литургийное предание, церковный язык и литературу, письменное право, социальные реформы, основанные на общих заповедях любви и человеколюбия. Единство политического и церковного управления во главе с великим князем и митрополитом способствовало консолидации русского народа. Племенное самосознание постепенно утрачивалось (этноним «дреговичи», например, последний раз упоминается в летописи под 1149 г., «кривичи» — под 1162 г., «радимичи» — под 1169 г.) и возникало единое этническое самосознание для всех восточных славян, населявших Русь, Русскую землю и называвших себя общим именем — русские[4].

Единство Руси, ее земель и населения — главная идея произведений всех известных древнерусских политических и церковных деятелей. Так, Даниил — уроженец черниговщины, автор «Хождения в Палестину», которое было написано не позже 1113 г., называл себя игуменом «Русския земли». Он поставил лампаду над «гробом господним» «за вся князя наши и за всю Русскую землю, за вся християна Русския земли». Среди русских князей, за которых молился Даниил, назван и минский князь Глеб Всеславич (1101–1119)[5]. Знаменитый проповедник Кирилл Туровский (около 1130–1185), согласно «Памяти», написанной неизвестным автором вскоре после смерти святого, был «рожден и воспитан града та Турова в Русской стране и тако нарицаема»[6].

Гениальный автор «Слова о полку Игореве» с глубокой сердечной болью за народ рисует картины тех бедствий, которые причинила Руси междоусобная борьба князей за земли, за власть: «Черна земля под копыта костьми была посеяна, а кровью польяна: тугою взыдоша по Русской земле»[7].

В «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского встречаем целый ряд сообщений о походах полоцких князей и зависимых от них князей Ерсике и Кокнесе на крепости и замки Ливонского ордена. Во всех этих известиях полоцкие и их вассальные князья, их дружины, городское ополчение и просто полоцкие купцы и «военные люди» называются русскими[8]. Подобных примеров можно привести множество.

Приняв Православие, Древняя Беларусь так же, как Русь Восточная и Южная, вошла в экумену византийской цивилизации, полностью восприняв ее систему культурных ценностей, верований, интеллектуальных, эстетических и духовных достижений. Однако наследие это наложилось на столь мощный пласт собственной славянской культуры, что привнесенный духовный вклад сильно трансформировался, дав начало близкому, но все-таки новому православно-русскому цивилизационному процессу (*slavia orthodoxa*), на формирование которого большое влияние оказала и древняя Беларусь (Западная Русь) X–XIII вв.

Важнейшей основой этого процесса стало не только образование молодого государства, объединенного династией Рюриковичей, но и возникновение духовной, культурной общности, главная заслуга в создании которой принадлежит Русской Православной Церкви. Полочанин и киевлянин, новгородец и псковитянин, житель Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской Руси, приходя в православный храм на молитву и слушая поминовение митрополита Киевского и всея Руси на родном языке, безусловно, проникался чувством национального самосознания, принадлежности к единой культуре.

Общими для всей Руси были и те глубокие внутренние процессы духовного возрождения, которые произошли в связи с принятием Православия.

---

[4] См.: *Пилипенко М.Ф.* Возникновение Белоруссии: новая концепция / М.Ф. Пилипенко. Минск, 1991. С. 70.

[5] Палестинский сборник. [СПб.] 1885. Т. I. Вып. 8–9. С. 128–129.

[6] *Евгений, еп.* Творение святого отца нашего Кирилла епископа Туровского... Киев, 1880. С. 296.

[7] Слово о полку Игореве. Ярославль, 1971. С. 15–16.

[8] См.: *Латвийский Г.* Хроника Ливонии. М.; Л., 1938.

В сознании народа вырабатывались новые представления идеи, понятия. В этом духовном самосовершенствовании особенно выделялись религиозно настроенные люди, которые оставляли свои дома и уходили в уединенные места для молитвы и подвижнической жизни, становились монахами. В числе их были как выходцы из знати, так и простолюдины. Монашество привлекало многих своею нравственной строгостью и молитвенным подвигом.

Белорусский народ сохранил имена, прославившихся своей святостью подвижников, передавая память о них из поколения в поколение. Все они причислены Русской Православной Церковью к лику святых. Среди них — три полоцких епископа: Мина, Дионисий и Симеон, игуменья Спасо-Преображенского монастыря — преподобная Евфросиния, епископы туровские Кирилл и Лаврентий, пустынник Борисоглебского монастыря преподобный Мартин. В Смоленске прославились святостью своей жизни преп. Авраамий, преп. Ефрем, св. Андрей, князь Смоленский. В Вильнюсе сохраняются мощи св. мучеников Антония, Евстафия и Иоанна, в Бресте — игумена Симеоновского монастыря св. Афанасия, в Минском Свято-Духовом кафедральном соборе св. Софии — княжны Слуцкой.

Большую роль в духовно-нравственном становлении белорусского народа играли монастыри, представлявшие собой средоточие культуры и просвещения. Есть основания предполагать, что число их было достаточно велико: по одному или даже несколько в каждом епископском городе. Одним из первых на территории Беларуси следует считать монастырь в Изяславле (Заславль), поставленный княгиней Рогнедой, в котором она и приняла иночество под именем Анастасии. Почти при каждом монастыре размещались школы и библиотеки, велось летописание, составлялись жития святых. Именно отсюда по всей земле русской расходилось слово Божие. В монастырях древней Туровской епархии было создано «Туровское Евангелие», здесь творил знаменитый святитель Кирилл Туровский, которого современники называли «Златоустом, паче всех воссиявших на Руси». Его молитвы, поучения и «Слова» вошли в состав многих сборников наряду с сочинениями византийских богословов и проповедников. Неподалеку от Полоцка, в Спасском монастыре, в котором совершала свой молитвенный и просветительский подвиг преподобная Евфросиния, переписывались книги, в школе при нем обучались дети[9].

История средневековых русских православных монастырей обнаруживает неукоснительную верность византийским образцам. И все-таки нельзя отрицать того, что с течением времени византийское христианство приобрело на Руси отчетливую местную окраску и не в результате произвольного отбора, а главным образом благодаря сознательному выделению определенной стороны византийской традиции, подчеркиванию каких-то отдельных добродетелей и образцов поведения как заслуживающих особого восхищения. Широко распространенный и популярный в народе на всем обширном пространстве Руси культ святых князей Бориса и Глеба, канонизированных уже в 1072 г., основывался на убеждении, что невинная жертва убийства есть мученик. Этот культ не находит параллели в Византии и может служить примером того сочувствия людским страданиям, которое во всей русской православной истории было одним из качеств, особо высоко чтимых народом.

Широкое распространение на Руси, в том числе и Белой, получило целование Креста как подтверждение обязательств, взятых на себя тем или иным лицом, нередко княжеского достоинства. Летописи сохранили интересные сведения современников об оценке результатов народного восстания в Киеве 27 сентября 1068 г., когда великий князь Киевский Изяслав вынужден был бежать из города, а повстанцы посадили на престол освобожденного из «поруба» полоцкого князя Всеслава. Киевляне восприняли эти события как кару Божью за нарушение старшими Ярославичами крестного целования, имевшего место год назад под Оршей, когда поверивший клятве полоцкий князь был арестован и взят в полон. Летописец подчеркивает, что Всеслав, находясь в тюрьме, обратился за помощью к кресту со словами: «О, Святой Крест, так я верил в тебя, избавь меня от этой ямы». Бог показал силу Креста, освободив невинного из неволи. По убеждению летописца, крест избавляет от несчастий каждого, кто обращается к нему с верой.

На территории Беларуси христианский праздник «Воздвижения Креста Господня» приобрел особое звучание. Приверженность почитанию креста подтверждается находкой уникальной каменной иконки с образами св. Константина и св. Елены,

[9] Повесть жития и преставления святыя и блаженныя и преподобныя Еуфросинии, игуменьи манастыря Святага Спаса и Пречистыя Его Матере ... // Кніга жыцій і хаджэнняў / уклад., прадм. і каментарыі А. Мельнікава. Мінск, 1994. С. 26–41.

держащих перед собою большой крест. В связи с этим же нельзя не упомянуть замечательное художественное изделие XII в. — знаменитый крест Евфросинии Полоцкой, выполненный по ее заказу гениальным мастером Лазарем Богшей. Утерянный крест по благословению Митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета возвращен к жизни нашим талантливым современником художником Николаем Кузьмичем.

Православие определило сущность средневековой культуры Беларуси и тем самым связало ее с культурным миром всего славянства и других христианских народов Востока и Запада. Нет ни одного вида или направления искусства, которые бы складывались вне этого контекста.

Школа, книга и просвещение на протяжении многих столетий (вплоть до XVIII в.) оставались исключительно церковными. Архитектура, живопись, декоративное искусство, шитье, хоровая музыка, литература, политическая мысль и богословие древней Беларуси соответствовали ценностям мирового цивилизационного процесса. Однако во всех сферах древнебелорусской культуры проявилось своеобразие, позволяющее говорить о существовании местных традиций и школ. Особенно отчетливо они проявились в архитектуре. Церковное зодчество, к вершинам которого принадлежат София Полоцкая, Спасо-Преображенский, Благовещенский и Борисоглебский (Коложский) храмы, свидетельствует о появлении новых архитектурных *направлений*, сформировавшихся на основе принципиальной переработки византийско-древнерусских традиций. По-видимому, через Смоленск, Новгород, Псков, Чернигов и другие города особенности этих архитектурных стилей осваиваются всей Древней Русью, а с XV в. получают воплощение в Москве. Об этом свидетельствует архитектура Спасо-Преображенского собора Андронникова монастыря (1427) и Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры в Сергиевом Посаде (1423). Апогей развития полоцких архитектурных традиций на русской основе — церковь Вознесения в селе Коломенском под Москвой, построенная в 1532 г.[10]. Таким образом, Древняя Беларусь не только принадлежала к православно-русской цивилизации, но и являлась ее колыбелью, оказывая заметное воздействие на культуру Южной и Восточной Руси.

Православная вера не утратила своего культурообразующего значения и тогда, когда со второй половины XIV–XVI вв. на белорусских землях все большее влияние приобретают новые западные культурные и духовные ценности. Именно православие содействует консолидации белорусского этноса, сохранению древней духовной традиции, осмыслению культурного и этнического своеобразия в сравнении с ближайшими соседями — литовцами, евреями, татарами, поляками.

Православная вера и в новых условиях начавшихся ограничений по-прежнему способствует распространению и сохранению в Великом княжестве Литовском XIV–XVI вв. основного эндоэтнонима: «русин», «русский», «Русь», «русские люди». Не случайно в подавляющем большинстве самых разнообразных источников того времени Православную Церковь называют «русской», а православное население — «русским». Служению этой культуре была посвящена деятельность великого Скорины и его последователей на поприще книгопечатания — И. Федорова и П. Мстиславца. Ее развитию отдана жизнь князей Острожских, иноков Супрасльского монастыря, выступивших в защиту православных духовных и культурных ценностей.

В эпоху контрреформации, когда в результате решений Брестского церковного синода (1596) Православие было поставлено вне закона, когда белорусский язык, оставшийся только языком народа, теряет свой государственный статус, начинается длительный процесс денационализации Беларуси[11].

В этих условиях православная вера и Православная Церковь становятся важным фактором национального самосохранения, духовного и культурного развития, одной из форм выражения которого стало братское движение. Православные братства и действующие при них типографии и школы, существовавшие во всех крупных городах Беларуси, сыграли выдающуюся роль в сохранении самобытности белорусского народа. Они первыми стали печатать и использовать в учебном процессе печатные книги и учебники. По ним не только изучались письмо, чтение и богословие, но и давались сведения по истории, географии, астрономии, риторике, диалектике и другим наукам. Среди этих книг были: «Библия Руска», «Псалтырь», «Апостол» и

[10] См.: *Лаврецкий Г.* Православное зодчество Беларуси. Минск, 1995; *Селицкий А.А.* Живопись Полоцкой земли XI–XII вв. Минск, 1992; *Якімовіч Ю.А.* Полоцкая школа дойлідства і яе гістарычны лес // Тэзісы навук. канф., прысв. 1000-ю Полоцкай епархіі і праваслаўнай царквы на Беларусі / отв. за выпуск А.А. Петрашкевич. С. 64–65.

[11] См.: *Левшун Л.В.* О слове преображенном и слове преображающем. Минск, 2009. С. 640–651.

«Подорожная книжица» Ф. Скорины, «Евангелие учительное» П. Мстиславца и И. Федорова, «Грамматика славянского языка» Мамоничей, «Диалектика» А. Курбского и прочие. Выдающимися деятелями братского движения в Беларуси были Стефан Зизаний, Мелетий Смотрицкий, Леонтий Карпович. Именно благодаря их деятельности православно-русская культура Беларуси создала шедевры, и поныне удивляющие своей самобытностью.

К ним, несомненно, относится православная полемическая и богословская литература. Среди такого рода работ особой страстностью выделяются: «Послание до латинян из их же книг», анонимно вышедшее из стен Супрасльского монастыря, «Ключ царства небесного» Г. Смотрицкого, «Казанье Св. Кирилла, патриархи Иерусалимского» Стефана Зизания, «Апокрисис» Христафора Филалета, «Фринос, или плач церкви восточной» Мелетия Смотрицкого, «Палинодия» Захария Копыстенского, большая часть которых была приговорена к уничтожению властями Речи Посполитой.

Глубина и сила древней православно-русской культуры Беларуси позволили ей не только сохраниться в сложных для нее XVII–XVIII вв., но и благотворно влиять на культуру соседней России. Белорусские мастера золотых и серебряных дел, резчики по дереву и камню, по технике рельефных многоцветных изразцов были хорошо известны в Москве эпохи Алексея Михайловича. Учебная литература, предназначенная для православных школ Беларуси, выполняла свою просветительскую миссию и в православной России, а опыт работы православных учебных заведений, в том числе и высших, послужил мощным стимулом для развития просвещения в России. Недаром М.В. Ломоносов даже в середине XVIII в. «Грамматику славянскую...» Мелетия Смотрицкого называл «вратами моей учености» и опирался на нее при создании собственной грамматики. И даже раскол Русской Православной Церкви, ставший не в последнюю очередь следствием белорусско-украинского культурного влияния на Московскую Русь, не воспрепятствовал осознанию культурного единства, принадлежности к одному цивилизационному процессу, выразившемуся во взаимодействии православной культуры Руси Белой и Великой. Особенно заметно эта связь проявилась в творчестве св. Афанасия Брестского (Филлиповича).

Для православно-русской культуры Беларуси, которая, казалось, к концу XVIII в. прекратит свое существование в результате беспрецедентного давления, осуществлявшегося правящими кругами Речи Посполитой, ситуация изменилась после включения Беларуси в состав Российской империи. Деятельность св. Георгия Конисского и его окружения дали новый импульс ее развитию.

Одним из наиболее плодотворных проявлений изучаемого культурного феномена в XIX и начале XX в. стало зарождение и развитие православной историко-церковной школы. Ее появление было порождено не только процессом зарождения православной белорусской интеллигенции с ее обостренным чувством прошлого и глубоким интересом к тому историческому пути, который прошли восточные славяне на протяжении своего более чем тысячелетнего существования, но и восстановлением традиций *slavia orthodoxa*. Неслучайно именно в это время появляются фундаментальные труды, раскрывающие сложные, подчас трагические страницы истории Православной Церкви Беларуси. Так, с именем Иоанна Григоровича была связана публикация произведений архиепископа Георгия Конисского со вступительной статьей, объясняющей значение жизни и деятельности архиепископа Могилевского[12], сборников документов: «Белорусский архив древних грамот»[13] и первых четырех томов «Актов Западной России». Дело, начатое архиепископом Георгием (Конисским) и продолженное протоиереем Иоанном Григоровичем, получило дальнейшее развитие в трудах проф. Санкт-Петербургской духовной академии, уроженца Беларуси М.О. Кояловича и его последователей. Среди представителей этого направления следует назвать: П.Н. Жуковича, В.З. Завитневича, И.Я. Крипановича, К.В. Харламповича, А.И. Шавельского, В.П. Сапунова и многих других. Интерес к истории Беларуси, свойственный работам представителей этой исторической школы, вернул после долгого забвения важные страницы ее прошлого, православные духовные и культурные ценности, актуализировал осознание принадлежности к единому этнокультурному процессу. И в этом состоит их главная заслуга.

© Теплова В.А., 2009

[12] *Конисский Г.* Собр. соч. Георгия Конисского, архиепископа белорусского с портретом и жизнеописанием его / изд. Иоаном Григоровичем. СПб., 1835. Ч. 1, 2.

[13] Белорусский архив древних грамот / предисл. И. Григоровича. Ч. I. М., 1824.